

Научный семинар
«ТРАГИЧЕСКИЙ И ВЕЛИЧАВЫЙ ПУТЬ...»
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БОРИСА ШИРЯЕВА
В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
Презентация книги:
БОРИС ШИРЯЕВ. КУДЕЯРОВ ДУБ. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
23 марта 2017 года
Хроника

Участники семинара: А.М. Любомудров, Л.И. Чикарова, Г.Н. Соколов, М.Г. Талалай

Семинар открыл доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН **Алексей Маркович Любомудров**. Во вступительном слове он сказал:

Сегодня имя Бориса Ширяева, мужественного и принципиального человека, мечтавшего о благе России, о свободном русском народе и свободном государстве, вписано в историю русской литературы. Политическим идеалом писателя стала «народная монархия», а духовным — православная Святая Русь.

Ширяев до сих пор был известен как автор знаменитого свидетельства о Соловецком лагере — книги «Неугасимая лампада». Опубликованная на родине четверть века назад, книга сразу же обрела любовь и популярность благодаря художественной идее автора: как душа России жива и неугасима, так и душу человеческую не сломить, не загасить никакими пытками.

Сегодня мы имеем возможность познакомиться с другими произведениями писателя. В только что вышедшей книге прозы «Кудеяров дуб» читатель найдет свидетельства о драматической истории России первой половины XX века, о тех событиях и обстоятельствах, которые невозможно было даже затронуть в литературе советской. Опубликованная здесь эпопея Ширяева «Птань» (название реки в заглавии отсылает к «Тихому Дону» М. Шолохова, которого автор высоко ценил) — о судьбе русского человека на переломе эпох, о драматическом выборе во

время схватки тоталитарных режимов, о готовности жертвовать жизнью ради возрождения свободного православного отечества.

Ширяев обращается к непривычной и все еще малоизвестной российскому читателю теме: жизнь на оккупированных немцами территориях. Эти страницы отечественной истории освещены в литературе скупо и неполно. Ширяев раскрывает тему с позиций абсолютного противника советской власти и большевистской доктрины. Что не удивительно: он не мог сочувствовать власти, которая трижды приговаривала его к расстрелу, мытарилась по каторгам и ссылкам, которая, как он считал, уничтожила Россию историческую и лучшую часть ее народа. Эта проза ценна как свидетельство очевидца и должна быть известна современникам. Книги Ширяева особенно актуальны в сегодняшней России, когда народ порой нацеливают на однобокое понимание истории, пытаются представить события и факты в черно-белой гамме, в виде навязанных прямолинейных схем, когда само понятие *жертвы* затушевывается в угоду ложному ура-патриотическому пафосу.

Ширяев, конечно, не одинок. Он принадлежит к плеяде писателей-эмигрантов второй волны, судьба которых, творческая и социальная, была скрыта от нас или же представлялась негативно. По сравнению с представителями первой волны, которые более или менее обустроились за рубежом, имели возможность спокойно заниматься творчеством, жизнь изгнанников второй волны была куда тяжелее. На родине их считали предателями, бежавшими из своей страны, изгоями. Здесь они пережили репрессии, ссылки, лагеря, но и на Западе их жизнь была нелегкой — многие политические патриотические движения подверглись там жестоким гонениям. Писатели второй волны обогатили литературу рассказом о жизни родины в преддверии Второй мировой и в военные годы. Эпоха, воспринимаемая почти всеми советскими писателями как исключительно героическая, под их пером становилась трагической. Недаром историю России Ширяев определял как «путь величавый и трагический».

Этот пласт, в отличие от книг первой эмигрантской волны, по понятным причинам входит в широкий обиход российских читателей далеко не столь быстро и успешно. Проза Ширяева представляет интерес как часть этого литературного наследия, которое неотъемлемо от истории русской литературы XX века.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник и представитель в Италии Института всеобщей истории РАН **Михаил Григорьевич Талалай** в сообщении **«О новых изданиях Б. Ширяева в России»** рассказал о своем знакомстве с наследием Ширяева. Он проехал по маршруту Ширяева, побывал в памятных местах, разыскал его могилу в Сан-Ремо.

Историк поделился собранными сведениями о жизни Ширяева в Италии. В феврале 1945 года начинается итальянский этап его жизни. В этой стране он провел 13 лет, с весны 1945 года по весну 1959 года, когда скончался в курортном городе Сан-Ремо. Ширяева, как журналиста, посылают в штаб казачьей армии генерала Доманова — он должен наладить им пропагандистскую литературскую работу. Он выпускает газету «Казачья земля». Затем наступает известный эпизод, когда казаки, думая, что англичане не будут их выдавать Сталину, переходят Альпы и сдаются в Австрии англичанам. Уже наученный горьким опытом таких сдач и кажущихся легкими решений, Ширяев решает остаться в Италии — это его и спасло. Он бежит на юг вместе с семьей, вместе с женой, со своим сыном. И тут начинается период его жизни, хорошо описанный в книге «Ди-Пи в Италии».

Ди-Пи (от displaced persons - перемещенные лица) — почти забытая теперь аббревиатура. В середине XX века она стала символом горькой судьбы миллионов людей. Это некий эвфемизм, название перемещенных лиц, которыми западные демократии прикрывали ту гигантскую многомиллионную толпу народа, преимущественно из Советского Союза, которая не желала возвращаться на родину, опасаясь репрессий, не желая жить при советском сталинском строе. Все эти люди в той или иной степени, как известно, просили политическое убежище, пытались отправиться на Запад, их выдавали, они этого не хотели. Всю эту охоту за бывшими советскими гражданами Ширяев подробно описал в книге «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол», называя ее горько-иронично «охотой за черепами». Эта книга переиздана в России, вышла в Санкт-Петербурге в 2007 году.

На итальянской земле были написаны главы «Неугасимой лампы». М. Талалай отметил, что лучшее на сегодняшний день издание этой книги сделано Соловецким монастырем (*Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловки: Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2012.*). Оно содержит множество комментариев, подготовленных преимущественно редактором, о Вячеславом Умнягиным, который изучил также интересный сюжет — пометы Д.С. Лихачева на первом издании «Неугасимой лампы» (1954).

Литературное наследие Ширяева многочисленно и разнообразно. Большая его часть в недавние годы опубликована на родине. Публицистические заметки и эссе собраны в книгах «Италия без Колизея» и «Никола русский» (СПб., 2014 и 2016). Статьи, прежде разбросанные в труднодоступной зарубежной периодике 1950-х гг., посвящены судьбам русских беженцев, осмысленным через призму культуры и истории Италии. Эта страна не стала для них надежным приютом, но не смогла не вдохновить просвещенного, чуткого и ироничного литератора-очевидца.

Ширяев описывает и свое бегство, и подпольную жизнь в Италии, и встречи с итальянцами, достопримечательности, судьбы других эмигрантов — там и Рим, и Венеция, и Неаполь, и лагеря ди-пийские, это целая серия блестящих новелл, написанных прекрасным русским языком. Два огромных пласта творческого наследия литератора — филологический и историографический — собраны в двух объемистых сборниках: «Бриллианты и булыжники. Статьи о русской литературе» (СПб., 2016) и «Люди Земли Русской. Исторические очерки» (СПб., 2017). Над их составлением вместе с М.Г. Талалаем трудился А.Г. Власенко (США), сотрудник аргентинской газеты «Наша страна», где много публиковался и сам Ширяев.

Владимир Михайлович Акимов, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы, член Союза писателей России прислал текст своего выступления, который огласил А.П. Дмитриев. Оно озаглавлено «**“Они несли Родину с собой...” Б. Ширяев и писатели-эмигранты второй волны**» и посвящено публицистике и критике Ширяева, собранным в книге «Бриллианты и булыжники».

Эти статьи, — говорилось в тексте выступления, — долгое время, почти полвека, вообще не учитывались и даже отторгались априори в России. Пора, наконец, открыть этот ценный источник и изучить его, а главное — включить в подлинную и многомерную историю русской

литературы, избегая при этом «злободневной» полемики, но вбирая мировидение, пережитое Россией на всех «переломах» ушедшего века.

К огромному сожалению, многие минувшие десятилетия этот взгляд на литературный мир России — пережитый изгнанниками — был радикально исключен из советского научного, а тем более духовного кругозора. А ведь в эмиграции произошло немало значимых историко-культурных открытий и даже — самопознание. Еще в большей степени всё это относится ко второй волне литературной эмиграции, судьба которой, творческая и социальная, была тщательно скрыта от нас или же представлялась негативно. Лишь в последние годы возник некий «прорыв» — пока еще крайне узкий: перед нами — не «панорама», а «щель». Вне сомнения, писателям первой волны повезло куда более — почти все они, как говорят сейчас, вернулись. Это И. Бунин, З. Гиппиус, Дм. Мережковский, А. Ремизов, В. Ходасевич, И. Шмелев и многие другие...

Вот почему многолетние труды Б. Ширяева стали во многом новым и необходимым словом. Если прежде автор предстал для российской публики как писатель, как автор ставшей знаменитой теперь книги «Неугасимая лампада», то ныне он является как мыслитель и литературный критик. Б. Ширяев в публикуемых текстах, в эссе и рецензиях, выступает весьма цельной натурой. Это глубоко религиозный человек, по своим политическим взглядам — сторонник народной монархии, то есть крепкой и здоровой государственной основы для могущественного православного Отечества, что созвучно нашему времени, хотя в прошлом веке Россия была необыкновенно далека от такого идеала. Отсюда — боль автора, которую он не скрывает, но отсюда — и неизбывная любовь к родной стране и к ее культуре.

Тяжести жизненного пути Ширяева — преследования, тюрьмы, ссылки и, наконец, эмиграция — не погасили его духа: изгнанника спасла вера и, думается, наша великая русская литература, ставшая для него «посохом», опорой, стержнем существования. При этом литература для Ширяева — это не только величайшая эстетическая и духовная ценность. Она дает ему возможность понять русский характер и, говоря его собственными словами, сам «процесс бытия нашей Родины». Но в сфере русской литературы Ширяев отнюдь не всеяден.

Ширяев — публицист, страстный и непримиримый. Великая заслуга Ширяева — его анализ произведений литературы второй волны. И здесь он не только литературовед: он — собиратель и хранитель судеб своего писательского поколения. Эти судьбы в итоге не превратились в покорный «бег», не иссякли в духовном бессилии, несмотря на то, что находились и под прессом истории, и в изоляции и очернительстве согласно советским директивам. Никакого духовного краха эмиграции, как об этом писали в СССР, не было.

В изгнании, за «морями-океанами», продолжилось самосотворение русской культуры и литературы. Литераторы-изгнанники «второй волны», лишённые всяких возможностей общения со своим «миром порождения», со своими российскими истоками (добавим: испытывавшие нередко давление иной, местной государственной идеологии), продолжили врожденное духовное бытие. В целом, менять литературное — истинно творческое — самовыражение также невозможно, как менять душу. Сохранение души, развитие ее даже в новой мировой — «глобальной» — обстановке, вот главный сюжет судеб того литературного поколения, которые жило там, в изгнании, но одновременно в драматическом созвучии с глубинным миром Родины.

Про них, и в первую очередь, про самого Бориса Ширяева следует сказать: они не ушли из России; Россия в главном и животворящем значении осталась в них, а они остались в ней. На самом деле, это не они возвращаются, а мы.

Петр Николаевич Базанов, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры, член Экспертного совета по культурному наследию российского зарубежья при Комитете по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга озаглавил свой доклад «**Вторая русская эмиграция и ее вклад в русскую литературу**».

После Второй мировой войны качественно изменился и состав русской эмиграции. Это было связано с появлением такого этнополитического феномена, как вторая волна русской эмиграции. К ней обычно относят людей, покинувших родину в годы Великой Отечественной войны и не вернувшихся после 1945 г., — около 400-450 000 человек. Традиционно ко второй волне причисляют следующие категории эмигрантов: «остарбайтеры» — лица, насильственно угнанные с оккупированных территорий нацистами для работы в сельском хозяйстве и промышленности III Рейха; военнопленные; «власовцы» и т. н. «добровольцы» («хи-ви»); лица, сотрудничавшие с немецкими оккупационными властями (от полицаяв-картелей до учителей начальных школ и уборщиц). В советской юридической практике того времени все эти категории вольных и невольных эмигрантов одинаково считались «пособниками врага» и «изменниками Родины», с

неизбежным наказанием в виде ареста и пребыванием в лагерях. Согласно статье 193, п. 22 УК РСФСР 1922 г. сдача в плен приравнивалась к измене Родине, а по Приказу ставки Верховного Главнокомандующего от 16 авг. 1941 г. №270 командиры и политработники, сдавшиеся в плен, подлежат расстрелу на месте, их родственники — аресту и ссылке на 5 лет.

Среди представителей второй волны не было таких известных имен, как в первой. Никто из них не получил Нобелевской премии, не изобрел вертолета и не стал королем Андорры. Только философ С.А. Аскольдов и писатель, литературовед Р.В. Иванов-Разумник были видными представителями Серебряного века. Но они умерли сразу после окончания войны. Остальные стали известны как представители второй эмиграции. Среди них можно выделить имена поэтов Д. Кленовского (Д.И. Крачковского), И. Елагина (И.В. Матвеева), Р. Березова (Р.М. Акульшина), О. Анстей (О.Н. Штейнберг), В.А. Синкевич; писателей Б.Н. Ширяева, Б.А. Филлипова (Филистинского), Л.Д. Ржевского (Суражевского), С.С. Максимова (Пашина или Пархина), Б.П. Башилова (Юркевича); литературоведов и критиков Л.А. Фостер (урожденную Колесникову), В.Д. Самарина (Соколова), В.К. Завалишина, Г. Андреева (Г.А. Хомякова), М.М. Корякова, художников С.Л. Голлербаха, С.Р. Бонгарта, В.М. Шаталова, историков А.Г. Авторханова, Н.Н. Рутыча (Рутченко), И.А. Курганова (Кошкина); общественных деятелей Е.Р. Романова (Островского), Н.А. Троицкого (Б.А. Яковлева), А.Н. Артемова (Зайцева); священников прот. Д. Константинова, С. Ляшевского и многих других. Традиционно в перечислении самых известных деятелей второй эмиграции выделяют и имя Н.И. Ульянова.

Среди имен представителей второй волны наибольший интерес представляют младшие современники серебряного века. Именно их творчество вызывает в современной России пристальное внимание и этих эмигрантов их первая волна считала за «своих», а не за «продуктов социалистического эксперимента». Именно вместе Н.И. Ульяновым — Д. Кленовского, И. Елагина, Б.Н. Ширяева и др. большинство современников за границей воспринимали как младших современников серебряного века, чудом сохранившихся в СССР.

В изучении культуры и литературы второй русской эмиграции существует много тем и проблем, связанных с тенденциозностью подходов, политизированностью, ненаучными поверхностным изложением. Преодоление стереотипов по отношению к послевоенной эмиграции — серьезная задача современной науки и, прежде всего это касается уровня художественной литературы.

Георгий Николаевич Соколов, сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института геологии и минеральных ресурсов Мирового океана имени академика И.С. Грамберга выступил с сообщением «Открытие мира Бориса Николаевича Ширяева»:

Дворянство, к которому по происхождению принадлежал Борис Николаевич Ширяев, было средой носителей преемственных культурных традиций, средой, формирующейся столетиями. Здесь неважно, древен ли его род или предки влились в сословие служением Империи в XVIII или XIX в.в. Среда сама вбирала в себя достойных. Недаром законодательство предполагало добровольный отказ от дворянства по выслуге, если человек осознавал свою неготовность вхождению в сословие. И этот общественный слой конечно же был неравнорожден.

Революционные события марта 1917 г. и стремительное разрушение всей структуры Русского общества завершилось октябрьским переворотом и наступлением эпохи социцида. Известны слова Ладислава, одного из создателей советской репрессивной системы: «не ищите в поступках обвиняемого конкретных деяний, направленных против советской власти. Достаточно установить его происхождение, род занятий до революции и это основание для вынесения приговора». В середине 20-х гг. комиссар Академии генерального штаба, обращаясь к старому профессорско-преподавательскому составу, сказал: «мы выжмем вас как лимоны и выкинем за ненадобностью».

Было бы интересно и поучительно открыть страницы жизни Бориса Николаевича Ширяева в период Первой мировой войны. Иногда пишут, что он закончил военную академию. Конечно, никакой военной академии он заканчивать не мог, а путь его на фронт мог быть таким: он был офицером 17 Черниговского гусарского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича полка. Пришел ли он в полк как офицер запаса, по отбытии воинской повинности на правах вольноопределяющегося по окончании университета, или прошел ускоренные курсы? Полк являлся одной из старейших воинских частей русской армии, и быть принятым в него даже в условиях военного времени было не просто. Несомненно, что боевой путь Ширяева был достойным, поскольку был увенчан производством в штабс-ротмистры. А ведь уход на войну гуманитария тоже своеобразный подвиг.

Борис Николаевич Ширяев, получивший прекрасное образование, прошедший горнило войны, как и многие его современники в межвоенный период в черед, как он сам писал устами своих героев, «тусклых, неотличимых друг от друга лет... пронизанных всеохватывающей, всепроникающей социалистической скукой» шел среди бесчисленных Сцилл и Харибд, заботливо расставленных режимом, подвергаясь невольным перемещениям, в постоянной угрозе физической гибели, но храня в себе неугасимую лампаду веры и творческого потенциала, раскрывшегося в тяжелые годы Второй мировой войны.

Как известно, при занятии немецкими войсками Прикавказья он стал редактором газеты «Утро Кавказа». Вопрос т. н. коллаборационизма в годы Второй мировой войны — предмет острой полемики. Так, во французском издании «Неугасимой лампы» в предисловии М.П. Лепехина редакторы тщательно вырезали все события, связанные со страницами Второй мировой войны. Но цифры говорят сами за себя. По данным доктора исторических наук А.В. Окорочкова единовременное присутствие в рядах германских вооруженных сил достигало 900.000 наших соотечественников из числа подданных СССР. Крымский историк, доктор исторических наук, профессор О.В. Романько убедительно называет цифру в полтора миллиона человек, учитывая различные вспомогательные подразделения. А.С. Казанцев, автор книги «Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом», пишет: «Если на сторону врага государства переходят во время войны единицы, то уместно говорить о вырождаках. Если это делают десятки тысяч, то объяснить можно это моральным падением народа в целом. Но если переходящих приходится считать миллионами, то и первый и второй диагнозы неверны и

объяснения нужно искать не в психологии переходящих, а в окружавшей их обстановке, в условиях их жизни, в данном случае в практике советского строя».

Ширяев вернулся к нам, но многие его единомышленники еще в забвении. Правда, последние годы принесли немало открытий. Владивостокское издательство «Рубеж» выпустило книги литературного наследия замечательных творцов из русского дальневосточного зарубежья: поэта и прозаика Арсения Несмелова, погибшего в 1945 г. в советской тюрьме, Николая Михайловича Байкова, прозаика, работы которого по описанию природы Маньчжурии были приняты японским и корейским обществом как классические, участника Великой войны, завершившего свой боевой путь в чине полковника, и ряд других. В Москве вышло 4-х томное собрание Юрия Галича (Г.И. Гончаренко). В 2013 г. переиздан роман барона Владимира Леонидовича Герлаха «Изменник», посвященный войне. Все это — тоже неугасимые лампы русской словесности.

Книга «Кудяров дуб» — большой прорыв, открылись страницы творчества человека, противостоявшего большевизму. Этот том глубоко раскрывает именно эту сторону личности писателя. Спасибо издателям и авторам, подготовившим книгу!

В ходе дискуссии Г.Н. Соколов предложил более точно использовать термины, касающиеся писателей второй волны. Иногда пишут, что «писатели бежали...» — но это не было *бегство*, это было *отступление*, достойное, с боями. В этом отступлении они уносили с собой лампаду русской жизни. Часто пишут о военных: «ему присвоено звание...». Это неправильно. В чин воинский чин производят, а не присваивают его!

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН Алексей Маркович Любомудров выступил с докладом «Русская классика в оценках Б.Ширяева».

Ширяев — автор книги «Религиозные мотивы в русской поэзии», вышедшей в Брюсселе в 1960 году, уже после кончины автора. Эта книга еще не издана в России. В главах, где рассматриваются поэты XIX века, автора интересует путь художника к Богу, процесс внутреннего преобразования души. Внерелигиозный же путь к добру, утверждение этического морального идеала без Евангелия — бесперспективны, на этих основах не подняться к «горным высотам», — убежден Ширяев, противопоставляя Полонскому Фета и Тютчева, имевших в своей душе «искру Господню».

Автор книги отмечает, сколь непросто приходилось поэтам преодолевать натиск идей нигилизма и атеизма, особенно усилившийся в 1860-е годы. С материалистическим духом эпохи вдохновенно боролся Вл. Соловьев, — поэт-философ дорог Ширяеву тем, что «вносил в сознание современников и последующих поколений живой, действенный идеализм, будил приглушенное религиозное сознание, пробуждал христианскую мысль...».

Интересно восприятие Ширяевым личности и творчества А.Блока. Это смятенная душа, «искавшая, но не нашедшая пути к милости Господней». Однако несомненны его дар предвидения и исключительная художническая интуиция, так ярко проявившиеся в поэме «Двенадцать». Ширяев защищает поэму от нападков критиков, усмотревших кощунство в финальной сцене. Этот финал, по мысли Ширяева, есть повторение пути Христа на Голгофу в окружении толпы беснующихся фанатиков, еще не ведающих о смысле этой дороги. Он пишет: «это именно *путь общего искупления общего греха*, искупления всем народом греха, совершенного тоже всем же народом, всей нацией, общего греха, сформулированного еще Ф.М. Достоевским, и общей же ответственности за него... А в грядущем — искупление его страданием, преодоление его и прощение от Господа. Вот этот луч и блеснул умирающему А.А. Блоку, когда Бог приподнял перед его духовными глазами малую частицу занавеса, закрывающего грядущее от нашего физического взора».

Творческий путь еще одного символиста, Вяч. Иванова, также осмыслен Ширяевым. Полная хаоса, бурная жизнь Вяч. Иванова изменилась, пройдя через «чудесное просветление»: за рубежом «новый творческий путь поэта лег от Дионисовых оргий к Тайное Вечере». Ширяев делает парадоксальное заключение: восприятие истины католической церкви (членом которой стал поэт) позволило Иванову устремить взор к религиозным ценностям «родного ему по крови русского христианства».

Статьи Ширяева по истории русской литературы, критические разборы и рецензии опубликованы также в книге «Бриллианты и бульжники. Статьи о русской литературе» (СПб., 2016). Здесь можно обнаружить примечательные и оригинальные суждения, часто идущие вразрез «магистральной линии» критики не только советской, но и зарубежной.

В разговоре о русской литературе на первый план для Ширяева, адепта «народной монархии», всегда выходят вопросы национального самосознания, почвенности, верности идеалам и ценностям России. Своего любимого писателя, Лескова, равно как и Достоевского, и Льва Толстого он пытается зачислить в лагерь «монархистов». Здесь проявляется, конечно, изрядная тенденциозность автора. Не только монархия, но и православие ценятся Ширяевым в своей «народной» ипостаси. Для него существенно «русское народное православие, стремящееся к подлинному, жизненному добру, а не к отвлеченному, схематическому представлению о нем».

Оценки Ширяева искренни и бескомпромиссны. Нередко он вступает в полемику, подчас весьма острую, по поводу тех или иных фигур литературного мира. В одной из работ Юрий Иваск выставил Василия Розанова противником Православной церкви и врагом Христа. Ширяев выступает в защиту Розанова: наследие этого литератора, по его мнению — сокровищница «русского, почвенного, истинного, национального мышления». Напротив, в личности и книгах Мережковского, по мнению автора, «противопоставлены русскому внутренне-душевному христианству — блистательный эстетический атеизм, национально-российской государственности — западные трафареты, родной исторической правде — воспринятая извне тенденция». Некоторых огорчит тот факт, что негативно относился Ширяев и к Бунину, не раз упоминая его в отрицательном контексте: «Нечего, решительно нечего нам взять из наследства Ивана Бунина и претендовать не на что. Уступим без споров эти более чем сомнительные ценности адамовичам, терапевтам и прочим вконец расстроеным, разбитым фортепьянам производства ушедшего в прошлое века».

Показательно сопоставление двух классиков русского зарубежья, которых обычно рассматривают в одном ряду, как равных по уровню таланта, — Ивана Шмелева и Алексея Ремизова: «Творческий путь И. Шмелева пролегает по цветистому лугу чистой русской народной веры в правду и милость Господню — путаная тропа литературной работы А. Ремизова ведет по корягам прямо к смраднему болоту». Часто двух писателей зачислят в разряд последователей Лескова, продолжателей его языковой традиции. Ширяев указывает на глубокое различие двух языковых стихий: «Словотворчество И. Шмелева построено полностью на базе современного ему народного русского языка. Оно жизненно. Оно правдиво и обосновано. Уродование русского синтаксиса и морфологии русского слова А. Ремизовым не имеет этой базы. Для него это лишь литературный прием, трюк, выверт, которым он пытается поразить и заинтересовать читателя. Словообразование для него не средство к углублению мысли, но самоцель».

Внимательно следил писатель и за литературным процессом на родине. Мимо внимания Ширяева, конечно, не могла пройти шолоховская эпопея о братоубийственной Гражданской войне, которой и сам он посвятил немало страниц и размышлений. Писатель необычайно высоко ставит «Тихий Дон» Шолохова, это, по его словам, «огромное, яркое и сочное полотно», ценное сказанной в нем правдой. Вся эпопея видится критику как «жесточайший обвинительный акт всей революции, разрушившей и истребившей всю честную трудовую, одаренную семью Мелеховых, а равно и все казачество». Григория Мелехова Ширяев остроумно называет русским Гамлетом.

Война и ее отражение в творчестве не могли не интересовать автора, посвятившего ей несколько повестей эпопеи «Птань». И в «подсоветской» литературе Ширяев находит свидетельства живой искры души, крупинцы правды. Специального очерка удостоилась поэма А. Твардовского «Василий Теркин». Создав «Книгу про бойца», Твардовский исполнил давний долг русской литературы по отношению к простому солдату. Талантливому поэту «удалось найти и оформить *исторический* тип русского солдата в его современном преломлении». Жизненность и

подлинность образа возникла оттого, что черты его взяты из толщи всего российского народа, неразрывно связанного со своей армией.

Немало внимания Ширяев уделяет творчеству своих собратьев — русских эмигрантов, оказавшихся на Западе, среди которых Леонид Ржевский, Сергей Юрасов, Николай Нароков, Григорий Климов и другие. Эти писатели «ищут жемчужины добра в душах современного русского человека и находят их в сердцах своих современников»; порой отблески света Христова можно обнаружить «даже в темных глубинах чекистских сердец». Эти книги проникнуты христианским миропониманием, что, по мысли критика, свидетельствует об отталкивании новой русской литературы «от язычества и демонизма пресловутого серебряного века».

Далее был продемонстрирован фрагмент документального фильма «**Линия судьбы. Борис Ширяев. Ди-Пи в Италии**» (Режиссёр Валерия Ловкова. Производитель ООО Кинокомпания «Магафильм». 2011).

Предваряя фильм, М.Талалай сказал: «В 2011 году ко мне обратились московские коллеги с предложением снять документальный фильм о Ширяеве, и мы это сделали. Мы проехали по его местам, конечно, не по всем — по самым красивым, были в Венеции, в Риме. Фильм показывали на кинофестивале в Доме русского зарубежья. Этот документальный проект помог мне еще раз прикоснуться к биографии Шмелева и узнать больше об этом интереснейшем человеке».

Завершила работу семинара Презентация книги:

Ширяев Б.Н. Кудяров дуб: Повести и рассказы / Под ред. М. Г. Талалая; Сост. А. Г. Власенко, М. Г. Талалай; Послесл. А.М. Любомудрова. СПб., 2016. (Серия: «Неизвестный XX век»).

Директор издательства «Росток» **Любовь Ивановна Чикарова** рассказала о том, что серия «Неизвестный XX век» занимает центральное место в издательской политике. В этой серии публикуются книги, находившиеся ранее в архивах, домашних собраниях, не издававшиеся в России. Книга Ширяева стала тридцатой по счету в серии. Мне высказывали опасения, не слишком ли сложная и острая книга, но я убеждена: любой автор, который писал в России, должен в России издаваться! Идею издания поддержали Е. Водолазкин и А. Любомудров.

Было приятно работать с составителем, М. Талалаем — мне нравится работать с авторами, которые любят своих героев! В подготовке книги мне помог А. Любомудров — очень тонкий литературовед, который принял живое участие в оформлении, провел работу по выстраиванию композиции и написал прекрасную статью.

Книга, как говорится, «идет в народ», пользуется большим спросом, как в России, так и за рубежом.

М. Талалай поблагодарил издательство за мужество и возможность донести тексты Ширяева до широкой читательской аудитории. Собрать все его художественные произведения под одной обложкой было непросто — они выходили в разных изданиях. К счастью, сегодня наследие замечательного писателя, Бориса Николаевича Ширяева, становится общероссийским достоянием.

- © Алексей Любомудров, текст
- © Андрей Трубецкой, фото